

19. Turner M. & Fauconnier G. Conceptual integration and formal expression // Journal of Metaphor and Symbolic Activity 1995. Vol. 10(3). P. 183–204.

* * *

1. Andreev V.F. Znamenatel'nye i sluzhebnye slova v russkom jazyke // Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshhenija. 1985. № 10. S. 238 – 279.

2. Baranov A.N., Dobrovol'skij D.O. Struktury znanij i ih jazykovaja ontologizacija v znachenii idiomu // Uchen. zap. Tartuskogo un-ta. Vyp. 903. Tartu: Izd-vo Tart. un-ta, 1990. S. 24 – 25.

3. Baranov A.N. Vvedenie v prikladnuju lingvistiku. M.: Jeditorial URSS, 2001.

4. Zalevskaja A.A. Vvedenie v psiholingvistiku. M.: Ros. gos. gumanit. un-t, 1990.

5. Lakoff/Dzh. Metafori, kotorymi my zhivem. – M.: URSS, 2004.

6. Leksicheskie minimumy sovremennoego russkogo jazyka / pod red. V.V. Morkovkina. M.: Rus. jaz., 1985.

7. Losev A.F. Bytie – imja – kosmos / sost. i red. A.A. Taho-Godi. M.: Mysl', 1993.

8. Minskij M. Frejmy dlja predstavlenija znanij. M.: Jenergija, 1979.

9. Najsser U. Poznanie i real'nost': smysl i principy kognitivnoj psihologii / per. s angl.; obshh. red. B.M. Velichkovskogo. M.: Progress, 1981.

10. Norman D. Semanticheskie seti // Psihologija pamjati. M.: Nauka, 1988. S. 350 – 370.

11. Shahmatov A.A. Iz trudov A.A. Shahmatova po sovremennomu russkomu jazyku (Uchenie o chastjah rechi). M.: Uchpedgiz, 1952.

Peculiarities of the use of cognitive taxonomy for description of the contents of qualitative words/adjectives

There is analyzed the systematization of description of the contents of qualitative words/adjectives. There are given the grounds for description of the information about property/sign/quality in the form of frame, conceptual area, script, semantic scheme and format. There is suggested and theoretically substantiated the cognitive model as the most perfect and adequate instrument of representation of the category of Quality.

Key words: *category of Quality, frame, conceptual area, script, prototypic semantics, cognitive model of Quality.*

(Статья поступила в редакцию 12.01.2015)

Е.В. ШИШОВА
(Казань)

К ТРАКТОВКЕ ТЕРМИНА “DOUBLESPEAK” В ЗАРУБЕЖНОЙ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Процесс семантической унификации лингвистических терминов предполагает использование интернационализмов в терминологии, наличие однозначных соответствий между терминами разных языков. Однако привести прямую трактовку отдельных явлений языка не всегда возможно, ввиду чего автор предлагает сопоставить сущность зарубежной теории «doublespeak» с содержанием терминов русского языка и установить коэффициенты их аналогичности.

Ключевые слова: *doublespeak, эвфемия, многозначность, манипулятивная риторика, синоним, аналог.*

Удивительным фактом современной научной действительности является то, что при всесторонней изученности языка, обширных международных контактах и отлаженных механизмах передачи опыта выявляется феноменальный случай отсутствия прямой отечественной аналогии и анализа лингвистического явления “doublespeak”. Предполагаемой причиной может стать идеологическая пропасть, характеризующая отношения западной и российской культур.

Идеология демократической политической корректности, провозглашающая правила двойной игры и принципы антропоцентризма, идеи исключительной концентрации на собственных интересах, отражается на образе мышления и его производном – языке, и создает терминологию двойных стандартов, или “doublespeak”. Интернет-гlossарий определяет «двойной стандарт» как «официально отрицаемый, но практикующийся и молчаливо признаваемый нормой дискриминационный подход к оценке поведения, прав и обязанностей представителей разных категорий населения, разных стран, рас» [3]. Думать и делать можно что угодно, а для общественной огласки годятся одобренные властью выражения. Таким образом, диалектическая концепция, которой руководствуется современное западное общество, обнаруживается в языковом строе в виде условных закодированных вкра-

плений “doublespeak”, стоящих на страже индивидуальных интересов.

Российская культура коллективизма принципиально отличается от западной культуры индивидуализма. Широкой натуре необходимы яркие, эмоционально насыщенные выписки, которые выражаются в частом выборе дисфемизированных средств передачи информации, наиболее тонко и искусно отражающих мысль. Тем не менее такая область человеческой деятельности, как политика (даже если и российская «по национальности»), связанная с завоеванием, укреплением и использованием государственной власти, не может обойтись без некоторого набора тактических уловок для реализации задуманной цели. Соответственно, если представители власти, на каком бы они языке мира ни говорили, располагают некоторым инструментарием языковой игры, представляется возможным проведение сопоставительного исследования вероломных языковых тактик.

В рамках представленной вниманию статьи первоначально мы стремимся охарактеризовать наиболее ярко выраженную коммуникативную стратегию зарубежных представителей власти “doublespeak”, и далее будут приведены результаты сопоставительного исследования в области терминологии: содержание понятия “doublespeak” будет соотнесено с семантически аналогичными явлениями российской культуры – эвфемией, многозначностью и манипулятивной риторикой.

Онтология “doublespeak” в зарубежной науке. «Язык есть власть; тот, кто владеет языком, управляет миром», – к подобному выводу пришел В. Луц, который, борясь за чистоту, однозначность, ясность, понятность и четкость публичной речи, ввел в научный обиход термин “doublespeak” [11, с. 26]. Сущность понятия составляют латентная коллизия (“incongruity”) между знаком и референтом, несоответствие сказанного действительности, приводящее к нарушению коммуникативной функции языка. “Doublespeak” – это намеренное использование языкового обмана, превращение негативных смыслов в сладкоречие. “Doublespeak” отражает помыслы адресанта и ожидания толпы, при этом второе репрезентируется, а первое красноречиво маскируется.

Явление “doublespeak” сродни “weasel words”: по мысли В. Луца, ярчайшего представителя теории “doublespeak”, образный термин “weasel words” наглядно демонстрирует сущность языкового явления “doublespeak”. Публичные выступления, насыщенные “dou-

blespeak”, оставляют столько же «шелухи и пены», что могут быть сравнимы с манерой питания ласки: когда ласка находит яйцо в чужом гнезде, она проделывает едва заметное отверстие, через которое вытягивает содержимое, и оставляет его на том же месте. Исключительно при близком, непосредственном рассмотрении яйца можно понять, что оно пустое [13, с. 443]. Остается только внешняя оболочка, поверхностная субстанция, нечто наносное, бесполезное и бессмысленное. Подобные «ласковые слова» уподобляются соловьиной трели – музыке языка, не оставляющей никакого разумного зерна.

Восстановить аутентичность сообщения, по мнению того же В. Луца, все-таки возможно, ответив на ряд вопросов: кто кому что говорит, при каких условиях, при каких обстоятельствах, с какой целью, каковы итоги, результаты, последствия? [12, с. 348]. Подтекст обнаруживается при попытке толкования дискурсивного контекста, или семантического окружения (“semantic environment”). Таким образом, “doublespeak” возникает в речи как средство умолчания, «задней мысли», перекрывающей фон высказывания, который улавливается слушателем по рассеянным в тексте намекам, обычно скрытым и часто бессознательным.

Весь комплекс средств “doublespeak” призван помутнить сознание слушателя, очаровать красноречием, завоевать доверие заманчивыми предложениями, которые не имеют ни основания, ни причин, ни плана действия для реализации идей, ни, соответственно, результатов. “Doublespeak” способен лишь вызвать эйфорию от идеи совместного возведения воздушного замка. Оратору достаточно обладать лишь строительными материалами.

По мнению зарубежных исследователей дискурса, освоивших термин и создавших сборники подобных языковых уловок, кирпичиками “doublespeak” являются его разновидности, представленные в классификациях. Основная и самая первая классификация разработана В. Луцом. К числу “doublespeak” он относит эвфемизмы, определяемые им как «неоскорбительные слова и выражения, обладающие положительной коннотацией и применяемые в случаях, когда необходимо избежать грубых и неприятных ситуаций» [11, с. 26], жаргон, канцелярит, или бюрократический жаргон (речь, представляющая собой цепочки громоздких сложносоставных предложений, насыщенных специальными терминами и малопонятными бюрократическими сло-

вечками – “gobbledygook or bureaucratese”, и напыщенная речь “inflated language”). Последние три разновидности “doublespeak” схожи по смыслу: все они относятся к данному родовому понятию в том случае, если не просто передают мысль, воспроизводят денотат, а убеждают, внушают необходимый смысл, придают авторитетность и основательность высказываниям и в результате, таким образом, обрастают коннотативными смыслами.

Существует иная дифференциация лингвистического явления “doublespeak”: 1) редко используемые слова и неологизмы (“rare or invented words”); 2) оксюморон (“contradictions in terms”); 3) эвфемизмы; 4) сложные, запутанные метафоры (“misleading metaphors”); 5) громоздкие именные группы (“hard-to-interpret noun phrases”) [10, с. 88–90].

Подводя итог в освещении способов интерпретации “doublespeak” зарубежными учеными, необходимо отметить несколько критических моментов в созданной ими теории. Замечания касаются способов дифференциации “doublespeak”. Взгляды В. Луца и У. Каппла на совокупность языковых тактик разнятся, однако обе концепции не предполагают строго научных названий для подвидов “doublespeak”: существует ли термин «напыщенная речь», являются ли терминами «сложные, запутанные метафоры» (“misleading metaphors”) и «громоздкие именные группы» (“hard-to-interpret noun phrases”). Ни та ни другая попытка систематизировать языковой материал не имеет основания (выборка компонентов произведена хаотично, непоследовательно, обрывочно).

Вариант сопоставления зарубежного термина “doublespeak” со смежными объектами исследования отечественной науки. *Doublespeak vs. Эвфемия.* Отечественные лингвистические терминологические сборники не соотносят ни одну единицу с феноменом, обозначенным зарубежными исследователями как “doublespeak”. Сопоставительные, типологические научные статьи и монографии едва ли раскрывают кросс-культурные аспекты данного языкового явления. В кандидатской диссертации Т.В. Бойко встречается упоминание зарубежного лингвистического термина “doublespeak”, категоризованного автором в качестве эвфемизма. В трактовке Т.В. Бойко, doublespeak является частным случаем эвфемии, умышленным употреблением в речи стилистически нейтральных выражений, которые «изображают действительность не так, как это есть на самом деле» с целью «ввести в заблуждение, обмануть, скрыть не-

приятное, внести изменения в восприятие реальности» [1, с. 111]. Doublespeak понимается как языковая реализация одной из прагматических установок, целевое употребление в речи эвфемизма.

Иной подход к определению термина “doublespeak” и его соотношению с эвфемией изложен в статье Л.В. Скороходовой «Эвфемизмы и псевдоэвфемизмы в английском языке. Сферы и цели использования». Автор разграничивает «использование собственно эвфемизмов и употребление слов, призванных скрывать истинное положение дел», псевдоэвфемизмов (или “doublespeak”, двуличной, лживой речи) [7, с. 2]. Примеров российских псевдоэвфемизмов исследователь не приводит, т.к. характеризуется зарубежный прецедент подобного толка.

Соотносительное рассмотрение феномена “doublespeak” и эвфемии роднит отечественную интерпретацию с воззрениями зарубежных коллег, однако следует принять во внимание и некоторые расхождения: зарубежная концепция представляет эвфемизм в иерархической зависимости от “doublespeak”, по законам логики определяя элементы в вертикальной последовательности; отечественный ученый Т.В. Бойко дает расширительное толкование эвфемистическим единицам, приравнивает их значение к языковому явлению “doublespeak”, Л.В. Скороходова предлагает разграничивать два вида эвфемии, один из которых называет “doublespeak”. В результате “doublespeak” и эвфемизмы выстраиваются в отношении конвергенции, или горизонтального пересечения понятийных сфер.

Таким образом, эвфемизм, в некоторой степени приравненный функционально к “doublespeak”, можно назвать смежным термином по отношению к зарубежному понятию. Тем не менее аналогичным термином, или термином-синонимом, эвфемизм не является, т.к. сущность языкового явления “doublespeak” гораздо шире: адресант вводит в речь те языковые средства, которые позволяют представить неудобные ему экстралингвистические факты либо в нейтральном облачении, либо рассеивая их в потоке воспроизводимой информации. Говорящий субъект вправе избрать любой языковой прием, в том числе и эвфемизацию, чтобы избежать распространения истинных смыслов и подозрений в искажении действительности.

Doublespeak vs. Многозначность. Некоторые термины отечественной лингвистики возникли в ходе адаптации зарубежных исследова-

дований. Параллельно с процессом заимствования концептуальных категорий происходит понятийная ассимиляция, которая может осуществляться путем транскрипции, транслитерации или калькирования. Анализируемый термин “doublespeak” не воспроизведен в отечественной лингвистике ни с помощью транслитерации, ни с помощью транскрипции. Применение калькирования, или воспроизведения не звукового, а комбинаторного состава слова или словосочетания, или перевода составных частей слова или фразы соответствующими элементами переводящего языка, при передаче зарубежного термина “doublespeak” осуществимо: в русском языке он принимает форму «двусмысленность» [4, с. 88]. Двусмысленность понимается как наличие двух значений, интерпретаций и обладает отрицательной коннотацией ввиду того, что не придает языковым средствам ясности, отчетливости, вводит в заблуждение и приводит к путанице смыслов. Ограниченность средств языка в выражении неограниченного творчества мысли создает почву для появления двусмысленности, импликаций, многозначности. Передать сущность двусмысленности с помощью существующей научной номенклатуры возможно, перефразируя калькированный “doublespeak” многозначностью.

В отечественном языкознании многозначность рассматривается двойко – в языке (многозначность слова в системе языка, т.е. изучение словарных значений языковых единиц) и в речи (анализ контекстуальной многозначности) [5]. Речевая многозначность происходит от языковой многозначности, ведь значения слов являются компонентами содержания предложения и составляют совокупное значение акта словесной коммуникации. Семасиологический анализ единиц выявляет наличие выводной информации, наравне с прямой, знаковой, выраженной языковыми средствами. Экпликационное значение имеет материальное выражение, в то время как импликационное производно от «взаимодействия эксплицитного значения с совокупными условиями его реализации» [6, с. 144].

“Doublespeak” выявляется как речевая закономерность, ведь авторы зарубежной теории принимают во внимание интенцию говорящего субъекта. Таким образом, речевая многозначность сопоставима с “doublespeak”, однако коэффициенты их соположенности не совпадают, речевая многозначность не является полным русским аналогом “doublespeak”. Многозначность в речи может появляться

случайно и намеренно, при этом говорящему субъекту достаточно использовать единицу, которую возможно интерпретировать двойственно в одном и том же контексте. Употребление в речи “doublespeak” всегда происходит намеренно, и при этом выражения с «двойным дном» – не единственный обманчивый маневр; высказыванию в целом придается форма, препятствующая пониманию его содержания.

Doublespeak vs. Манипулятивная риторика. Идея проведения аналогии между зарубежным термином “doublespeak” и нашим понятием «манипулятивная риторика» проистекает, во-первых, из объективно обоснованной на данный момент общности явления “doublespeak” с эвфемией, во-вторых, из предложенной в названии статьи А.Д. Васильева «Игры в слова: манипулятивная эвфемизация» [2] мысли о соотносимости процесса эвфемизации речи с манипулятивными технологиями и, в-третьих, из связи политического дискурса с манипулятивным воздействием. Так, воспроизведенный терминологический аппарат вырисовывается в следующую картину: эвфемизация, будучи одним из приемов речевой реализации “doublespeak”, используется политическими деятелями с целью манипулирования.

“Doublespeak” – это коммуникативная стратегия, условиями распространения которой, по мнению зарубежных исследователей, считаются ситуации публичной коммуникации: он дает возможность говорящему субъекту управлять условиями и обстановкой, наделяет его слово и решение силой и соответственно сообщает произносимому руководящим речедееателем манипулятивные характеристики. Манипуляция – это скрытое управление человеком против его воли, приносящее инициатору одностороннее преимущество. Манипулятивные приемы, или стратегии скрытого речевого воздействия, обладают оценочными, экспрессивными, коннотированными или ассоциативными сопутствующими значениями, которые направляют мысли адресата, создавая необходимую установку на интерпретацию сообщения, путем внесения в сознание под видом объективной информации ненастоящего, но желательного для той или иной группы содержания; происходит суггестивное сотворение мифологических фрагментов картины мира требуемой конфигурации. Словесная эквилибристика затемняет внутреннюю форму, препятствует четкому пониманию семантики. Политические субъекты чаще других заняты драматургической постановкой действительности, вопло-

щая ее в театрализованном речетворчестве [8]: "...manipulate for the purpose of controlling public behavior...by depriving us of our right to make informed choices" [9, с. 77] – манипуляция позволяет им контролировать все, что происходит в общественном сознании, при необходимости лишая людей их права на осмысленный выбор (перевод мой. – *Е. III*).

Таким образом, схожесть терминологических когнитивов "doublespeak" и «манипулятивная риторика» является наиболее очевидной, при нескольких отличных аспектах: во-первых, "doublespeak" представляет собой систему способов и приемов идеологического и психологического воздействия на массовое сознание, в то время как манипулятивная риторика предполагает не только практическую реализацию, но и теоретически закреплённую методологическую базу, во-вторых, язык "doublespeak" создает иллюзию, манипулятивная риторика может репрезентировать и истину, и обман, используя любые языковые средства, обладающие насыщенной эмотивностью.

Вывод. Нахождение и изучение явления "doublespeak" становится актуальной задачей для каждого воспринимающего субъекта. Истина зачастую оказывается затемненной или закамуфлированной, может и вовсе отсутствовать, ведь приемы и способы информационных атак в борьбе за репутацию принимают все более изощренные формы. Такое положение вещей характеризует реальность не только за рубежом, но и в отечественных условиях. Именно поэтому необходима терминологическая преемственность, чтобы в общественное сознание вносили смуту, т.е. внести ясность и четкость, разграничив истину и ложь.

В рамках данной статьи воспроизведен синонимический ряд для зарубежного термина "doublespeak", включающий в качестве элементов эвфемии, многозначность и манипулятивную риторику. Семантическая тождественность понятий не найдена, лишь отдельные компоненты значения совпадают, поэтому обнаруженные единицы, отличающиеся от "doublespeak" звучанием или написанием, являются только близкими ему по значению, имея при этом разные коэффициенты соположенности. Наиболее тесная корреляция установлена с манипулятивной риторикой. Демагогия "doublespeak", основанная на многозначной природе знаков языка, имеет в своем распоряжении и иные методы языкового воздействия, в результате чего данное явление и многозначность приобретают менее выраженную семантическую связь. Эвфемия реже может

заместить термин "doublespeak", подразумеваемая частный случай создания эффекта "weasel words", соответственно, отечественным аналогом зарубежного термина эвфемия едва ли может быть названа.

Список литературы

1. Бойко Т.В. Эвфемия и дисфемия в газетном тексте: дис. канд. ... филол. наук. СПб., 2006.
2. Васильев А.Д. Игры в слова: манипулятивная эвфемизация // Политическая лингвистика. 2010. (2)32. С. 101–108.
3. Интернет-гlossарий. URL: <http://www.glossary.ru/> (дата обращения: 11.12.2014).
4. Казакова Т.А. Практические основы перевода. English-Russian: учеб. пособие. СПб.: Союз, 2006.
5. Литвин Ф.А. Многозначность слова в языке и речи. Изд. 2-е, стер. М.: КомКнига, 2005.
6. Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения: учеб. пособие. Изд. 2-е. М.: ЛИБРОКОМ, 2009.
7. Скороходова Л.В. Эвфемизмы и псевдоэвфемизмы в английском языке. Сферы и цели использования // Language & Science. 2013. №2. Лингвистика. URL: <http://www2.utmn.ru/docs/9508.pdf> (дата обращения: 11.12.2014).
8. Шейгал Е.И. Театральность политического дискурса // Единицы языка и их функционирование. Вып. 6. Саратов, 2000.
9. Kehl D.G. and Howard Livingston. Doublespeak Detection for the English Classroom. – English Journal. V. 88 n 6. 1999. P. 77–82.
10. Koppell William J. Vande. Still Vigilant about Doublespeak? – Language Arts Journal of Michigan. V. 23: Iss. 1, Article 16. 2007. P. 87–92.
11. Lutz William. Doublespeak. – Public Relations Quarterly. 2001. P. 25–30.
12. Lutz William. The World of Doublespeak. URL: <http://www.cvhsfalcons.com/cms/lib6/ca01001107/centricity/moduleinstance/807/doublespeak.pdf> (дата обращения: 11.12.2014).
13. Lutz William. Weasel Words: The Art of Saying Nothing at All. URL: <http://stabler004.pbworks.com/w/file/attach/49707831/Weasel%20Words%20essay.pdf> (дата обращения: 11.12.2014).

* * *

1. Bojko T.V. Jevfemija i disfemija v gazetnom tekste: dis. kand. ... filol. nauk. SPb., 2006.
2. Vasil'ev A.D. Iгры v slova: manipuljativnaja jevfemizacija. Politicheskaja lingvistika (2)32'2010. S. 101–108.
3. Internet-glossarij. URL: <http://www.glossary.ru/> (дата obrashhenija: 11.12.2014).
4. Kazakova T.A. Prakticheskie osnovy perevoda. English-Russian: ucheb. posobie. SPb.: Sojuz, 2006.
5. Litvin F.A. Mnogoznachnost' slova v jazyke i rechi. Izd. 2-e, ster. M.: KomKniга, 2005.
6. Nikitin M.V. Osnovy lingvisticheskoi teorii znachenija: ucheb. posobie. Izd. 2-e. M.: LIBROKOM, 2009.

7. Skorohodova L.V. Jevfemizmy i psevdofemizmy v anglijskom jazyke. Sfery i celi ispol'zovanija // Language & Science. 2013. №2. Lingvistika. URL: <http://www2.utmn.ru/docs/9508.pdf> (data obrashhenija: 11.12.2014).

8. Shejgal E.I. Teatral'nost' politicheskogo diskursa // Edinicy jazyka i ih funkcionirovanie. Vyp. 6. Saratov, 2000.

Interpretation of the term “doublespeak” in the foreign and domestic linguistics

The process of semantic unification of linguistic terms presupposes the use of internationalisms in terminology, simple correspondences of the terms in different languages. But it isn't always possible to find the direct interpretation of some language phenomena. That is why there is suggested to compare the essence of foreign theory “doublespeak” with the terms in Russian and establish the coefficients of their analogy.

Key words: *doublespeak, euphemism, polysemy, manipulative rhetoric, synonym, analogue.*

(Статья поступила в редакцию 25.12.2014)

М.А. СИДОРЕНКО
(Волгоград)

СЕМАНТИКО-МОТИВИРОВОЧНЫЕ МОДЕЛИ РУССКИХ И КИТАЙСКИХ АСТРОНИМОВ

На материале названий звезд и созвездий, принятых современной русской и китайской астрономической наукой, проводится сопоставительный анализ семантико-мотивировочных моделей русских и китайских астронимов, определяются национально-культурные особенности принципов номинации.

Ключевые слова: *астроним, принцип номинации, семантико-мотивировочная модель, трансонимизация, онимизация.*

Названия звездного неба имеют богатую историю, отражают картину мира и систему верований конкретного народа. Они представляют интерес как для историков, этнографов, так и для лингвистов.

Это определяет актуальность выбора астрономических названий в качестве материала для сопоставительных исследований в области ономастики. Подобные исследования позволяют выявить общие и национально-специфические особенности именования объектов космического пространства, которые относятся к одному из наименее изученных рядов ономастической лексики.

Оставляя за пределами данной работы дискуссию о конкурирующих терминах *астроним* и *космоним* (см., напр.: [6; 8; 9]), вслед за М.Э. Рут для обозначения объектов космического пространства будем использовать термин «астроним». Под данным термином М.Э. Рут понимает «названия звездного неба как класс объектов, основным свойством которых является обусловленность земным восприятием», и обозначает имя звезды или созвездия как астроним, а совокупность собственных наименований объектов звездного неба как астронимию [12].

Как замечает В.А. Никонов, «каждое название не присуще называемому объекту, а прикреплено к нему человеческим обществом и характеризует не столько сам объект, сколько называющих. Все названия космических объектов даны с Земли и отражали земное» [8].

Так, например, китайская традиционная астрономия базировалась на экваториальной системе, в которой в качестве ориентиров принимаются расположенные на небесной сфере Северный полюс и экваториальный круг. Небесный полюс, относительно которого все звезды казались вращающимися, соответствовал императору на Земле, относительно которого «вращался» обширный чиновничий аппарат государства. Околополюсные звезды, расположенные всегда выше горизонта, рассматривались как «старшие» и использовались как ключевые, чтобы определять расходящиеся от небесного полюса сектора 28 «лунных стоянок / станций / домов». Каждая «стоянка» содержала то или иное выделенное созвездие, дававшее ей название [3]. Хотя китайская астрономия перешла на общеевропейскую номенклатуру, экваториальная система по-прежнему прослеживается в названиях звезд.

Русская народная астрономия традиционно земледельческая, представлена названиями весьма небольшого количества объектов звездного неба: Плеяды, Большая Медведица, Орион, Млечный Путь, Полярная звезда и Венера. Так, Млечный Путь называют Мат-